

чорту! Слышите вы это? Ну, и воздержитесь, иначе я за себя не отвѣчаю...

— Что ты шумишь?—возразилъ Антонъ Кирилычъ.—Пріѣхаль въ гости, а буянишь и грозишь. Я у себя въ домѣ этого не позволю; какъ разъ прикажу вывести...

Діодоръ весь вспыхнулъ и сдѣлалъ движеніе впередъ... Антонъ Кирилычъ замѣтно струсилъ и защитился рукою, словно ожидая удара. Этотъ жестъ привелъ Діодора въ себя, и онъ весело расхохотался.

— Боже мой!—обратился онъ къ старику.—Да неужели вы думали, что я васъ побью? Не беспокойтесь, до этого не дошло еще и, надѣюсь, никогда не дойдетъ. Діодоръ Ярцевъ никогда не пускалъ въ ходъ кулака и насилія, хотя, признаться, и чесались иногда руки... Однако, вотъ чтò, Антонъ Кирилычъ: неужели мы съ вами даже одного дня не можемъ прожить мирно подъ одной крышей? Знаю, что вы меня ненавидите... но чтò же дѣлать? Мнѣ такъ хотѣлось повидаться съ матерью и съ сестрой... Леночкой... Вѣдь кромѣ нихъ у меня никого нѣтъ на свѣтѣ...

— Да мнѣ что же...—пробормоталъ присмирѣвшій хозяинъ.—Я не препятствую...

— Ну, и очень радъ! А насчетъ угощенія я самъ распоряжусь сейчасъ. Еще не поздно...

Діодоръ схватилъ первую попавшуюся бумажку и вышелъ въ кухню.

Едва дверь за нимъ затворилась, Антонъ Кирилычъ засуетился и поспѣшно бросился собирать деньги со стола. Руки его тряслись, глаза сверкали, когда онъ подносилъ къ свѣту новенькія шуршащія сотенныя бумажки. Леночка съ отвращеніемъ глядѣла на отца, наконецъ, не вытерпѣла и пошла къ двери.

Антонъ Кирилычъ, услышавъ шорохъ, сначала испугался и прикрылъ руками столъ. Но, увидѣвъ Лену, онъ ободрился и позвалъ ее.

— Ты чтò тутъ дѣлаешь? Поди-ко, вотъ, помоги мнѣ собрать... куда этотъ сумасбродъ не воротился.

Но Лена только фыркнула и убѣжала изъ комнаты.

— Обрадовалась! Заступникъ пріѣхаль!—заворчалъ ей вслѣдъ Антонъ Кирилычъ.—Ну, да вѣдь тебя-то я не боюсь; не посмотрю, что ты полневѣсты, а прямо разложу, да и выпорю...

Черезъ часъ тихій, молчаливый домикъ стараго управителя преобразился. Безпрестанно отворялись и затворялись двери, во всѣхъ комнатахъ горѣли огни, слышался громкій говоръ и смѣхъ. Въ дядиной комнатѣ, на раскрытомъ ломберномъ столѣ, стояла